

Иван Сергеевич Тургенев

Два друга

Иван Тургенев

Два друга

«Public Domain»

1853

Тургенев И. С.

Два приятеля / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1853

«Весной 184* года Борис Андреич Вязовнин, молодой человек лет двадцати шести, приехал в свое родовое поместье, лежащее в одной из губерний средней полосы России. Он только что вышел в отставку – «по домашним обстоятельствам» – и намеревался заняться хозяйством. Мысль благая, конечно! Но возымел ее Борис Андреич, как оно, впрочем, большею частию бывает, – против воли. Доходы его уменьшались с каждым годом, долги увеличивались: он убедился в невозможности продолжать службу, жить в столице – словом, жить, как жил до тех пор, и решился скрепя сердце посвятить несколько лет на исправление тех «домашних обстоятельств», по милости которых он внезапно очутился в деревенской глуши...»

Иван Сергеевич Тургенев

Два приятеля

Весной 184* года Борис Андреич Вязовнин, молодой человек лет двадцати шести, приехал в свое родовое поместье, лежащее в одной из губерний средней полосы России. Он только что вышел в отставку – «по домашним обстоятельствам» – и намеревался заняться хозяйством. Мысль благая, конечно! Но возымел ее Борис Андреич, как оно, впрочем, большею частию бывает, – против воли. Доходы его уменьшались с каждым годом, долги увеличивались: он убедился в невозможности продолжать службу, жить в столице – словом, жить, как жил до тех пор, и решился скрепя сердце посвятить несколько лет на исправление тех «домашних обстоятельств», по милости которых он внезапно очутился в деревенской глуши.

Вязовнин нашел свое имение расстроенным, усадьбу запущенной, дом чуть не в развалинах; сменил старосту, уменьшил оклады дворовых; очистил себе две-три комнатки и велел положить новые тесинки там, где протекала крыша; впрочем, не предпринял никаких резких мер и не затеял никаких усовершенствований вследствие той, по-видимому, простой мысли, что должно, по крайней мере, узнать сперва то, что желаешь усовершенствовать... Вот он и принялся узнавать хозяйство, начал, как говорится, входить в сущность дела. Должно признаться, что входил он в сущность дела без особенного рвения и не торопясь. С непривычки он скучал в деревне сильно и часто не мог придумать, куда и на что употребить целый длинный день. Соседей у него было довольно много, но он не знался с ними, – не потому, чтобы чуждался их, а так как-то, не приходилось ему с ними сталкиваться, наконец, уже осенью, довелось ему познакомиться с одним из самых близких ему соседей. Его звали Петром Васильичем Крупицыным. Он когда-то служил в кавалерии и вышел в отставку поручиком. Между его мужиками и вязовнинскими с незапамятных времен шел спор о двух с половиною десятинах сенокосной земли. Дело нередко доходило до драки; копны сена таинственно переезжали с места на место; происходили разные неприятности, и, вероятно, много еще лет продолжался бы этот спор, если б Крупицын, узнав стороною о миролюбивых свойствах Бориса Андреича, не поехал к нему для личного объяснения. Объяснение это имело последствия очень приятные: во-первых, дело прекратилось тотчас же и навсегда, к обоюдному удовольствию владельцев, а во-вторых, и сами они друг другу понравились, стали часто видаться, а к зиме сошлись уже так, что почти не расставались.

И между тем общего между ними было немного. Вязовнин, как человек хотя сам не богатый, но происходивший от богатых родителей, получил хорошее воспитание, учился в университете, знал разные языки, любил заниматься чтением книг и вообще мог считаться человеком образованным. Крупицын, напротив, говорил с грехом пополам по-французски, без особенной нужды книги в руки не брал и скорее принадлежал к числу людей необразованных. Наружностью приятели тоже мало походили друг на друга: Вязовнин был довольно высокого роста, худ, белокур и смахивал на англичанина; держал свою особу, особенно руки, в большой чистоте, одевался изящно и щеголял галстуками... столичные привычки!. Крупицын, напротив, был роста небольшого, сутуловат, смугл, черноволос и лето и зиму ходил в каком-то пальто-саке с оттопыренными карманами, из сукна бронзового цвета. «Мне этот цвет за то нравится, – говаривал Петр Васильич, – что он не марок». Цвет сукна действительно не был марок, но само сукно порядком позапачкалось. Вязовнин любил хорошо покушать и охотно говорил о том, как приятно хорошо кушать и что значит иметь вкус; Крупицын ел все, что ни подавали ему, лишь бы только было над чем потрудиться. Попадались ли ему щи с кашей – он с удовольствием хлебал щи и заедал их кашей; представлялся ли ему немецкий жидкий суп – он с той же готовностью налегал на суп, а случалась тут каша – он и кашу туда же валил в тарелку – и ничего. Квас любил он, по собственному выражению, как отца родного, а вина французские,

особенно красные, терпеть не мог и называл кислятиной. Вообще Крупицын был очень далек от брезгливости, тогда как Вязовнин менял в день два носовых платка. Словом, приятели, как мы уже сказали выше, не походили друг на друга. Одно в них было общее: оба они были, что называется, добрые малые, простые ребята. Крупицын таким родился, а Вязовнин стал таким. Кроме того, они оба еще отличались тем, что ни тот, ни другой ничего особенного не любил, то есть не имел ни к чему особенной страсти или привязанности. Крупицын шестью или осьмью годами был старше Вязовнина.

Дни их проходили довольно однообразно. Обыкновенно утром, однако не слишком рано, часов в десять, Борис Андреич еще сидел возле окна, в красивом шлафроке нараспашку, причесанный, вымытый и в белой как снег рубашке, с книжкой и чашкой чаю; дверь отворялась, и входил Петр Васильич с обычным своим небрежным видом. Деревенька его находилась всего в полуверсте от Вязовны (так называлось имение Бориса Андреича). Притом Петр Васильич очень часто оставался на ночь у Бориса Андреича. «А, здравствуйте! – говорили они оба в одно время. – Как почивали?» И тут же Федюшка (мальчик лет пятнадцати, одетый казачком, у которого даже волосы, стоявшие дыбом, как у турухтана весной, на затылке, имели вид заспанный) приносил Петру Васильичу его шлафрок из бухарской материи, и Петр Васильич, предварительно крикнув, облакался в свой шлафрок и принимался за чай и за трубку. Тут начинались разговоры – разговоры неторопливые, с промежутками и роздыхами: говорили о погоде, о вчерашнем дне, о полевых работах и хлебных ценах; говорили также о близлежащих помещиках и помещицах. В первые дни своего знакомства с Борисом Андреичем Петр Васильич почитал за долг и даже радовался случаю расспрашивать соседа о столичной жизни, о науке и образованности – вообще о возвышенных предметах; ответы Бориса Андреича занимали, часто удивляли его и возбуждали его внимание, но в то же время причиняли ему некоторую усталость, так что вскорости все подобные разговоры прекратились; да и сам Борис Андреич, с своей стороны, не обнаруживал излишнего желания возобновлять их. Случалось впоследствии – и то изредка, – что Петр Васильич спросит вдруг Бориса Андреича, например, о том, что, дескать, за вещь электрический телеграф, и, выслушав не совсем ясное толкование Бориса Андреича, помолчит, скажет: «Да, это удивительно», – и уже долго потом не любопытствует ни о каком ученом предмете. Большею частью разговоры между ними происходили вроде следующего. Петр Васильич, например, наберется дыму из трубки и, выпуская его через ноздри, спросит:

– А что это у вас за новая девушка? Я на заднем крыльце видел, Борис Андреич.

Борис Андреич в свою очередь поднесет сигарку ко рту, пыхнет раза два и, отхлебнув глоток холодного чаю со сливками, промолвит:

– Какая новая девушка?

Петр Васильич нагнется несколько вбок и, глянув в окно на двор, где собака только что укусила босого мальчика за икру, возразит:

– Белокурая такая... недурная.

– А! – воскликнет немного погодя Борис Андреич, – это у меня новая прачка.

– Откуда? – спросит Петр Васильич, словно удивившись.

– Из Москвы. В ученье была.

И оба помолчат.

– А сколько у вас всех прачек, Борис Андреич? – спросит опять Петр Васильич, внимательно глядя на вспыхивающий с сухим треском табак под нагоревшею золою в трубке.

– Три, – отвечает Борис Андреич.

– Три! У меня только одна. И одной-то делать почти нечего. Ведь у меня, вы сами знаете, какое мытье!

– Гм! – отвечает Борис Андреич.

И разговор прекращается на время.

В таких занятиях проходило утро и наступало время завтрака. Петр Васильич особенно любил завтрак и утверждал, что двенадцатый час – это есть самое то время, когда хочется человеку есть; и действительно: он в этот час ел так весело, с таким здоровым и приятным аппетитом, что, глядя на него, даже немец бы поразился: так славно завтракал Петр Васильич! Борис Андреич кушал гораздо меньше: с него достаточно было куриной котлетки или двух яичек всмятку с маслом и какой-нибудь английской приправы в хитро устроенном и патентованном сосуде, за которую платил он большие деньги и которую втайне находил отвратительною, хотя и уверял, что без нее ничего в рот взять не может. После завтрака и до обеда оба приятеля, если погода была хорошая, ходили по хозяйству или так просто гуляли, смотрели, как объезжались молодые лошади, и т. д. Иногда добирались они до деревни Петра Васильича и изредка заходили в его домик.

Домик этот, небольшой и ветхий, скорее походил на простую дворовую лачужку, чем на жилище помещика. По соломенной крыше, кругом пробуравленной воробыными и галочными гнездами, рос зеленый мох; из двух осиновых срубов, некогда сплоченных и прилаженных, один откинулся назад, другой покачнувшись вбок и врос в землю; словом, плох был дом Петра Васильича снаружи, плох изнутри. Но Петр Васильич не унывал: будучи человеком холостым и вообще невзыскательным, он мало радел об удобствах жизни и довольствовался уже тем, что имел местечко, где мог, по нужде, укрыться от ненастья и холода. Хозяйством его заведовала ключница Македония, женщина средних лет, очень усердная и даже честная, но с несчастными руками; ничего у ней не спорилось: посуда билась, белье рвалось, кушанье не доваривалось или пригорало. Петр Васильич называл ее Калигулой.

Имея врожденную склонность к хлебосольству, Петр Васильич любил видеть у себя гостей и угощать их, несмотря на скудность средств своих. Особенно старался и хлопотал он, когда посещал его Борис Андреич; но, по милости Македонии, которая, впрочем, чуть не летела с ног долой на каждом шагу от усердия, угощения бедного Петра Васильича выходили всегда неудачны и большей частью ограничивались куском зачерствелого балыка и рюмкой водки, о которой он отзывался совершенно справедливо, говоря, что она отлична *против* желудка. После прогулки оба приятеля возвращались в дом Бориса Андреича и обедали не спеша. Покушавши так, как будто завтрака и не было, Петр Васильич отправлялся куда-нибудь в уединенный угол и спал часика два-три; Борис Андреич в это время читал заграничные журналы. Вечером приятели опять сходились: такая уже между ними завелась дружба! Иногда они садились играть в преферанс, вдвоем, иногда просто разговаривали таким же образом, как поутру; случалось, что Петр Васильич брал со стены гитару и пел довольно приятным тенором разные романсы. Петр Васильич очень любил музыку, – гораздо более, чем Борис Андреич, который без восхищения не мог произнести имени Бетховена и все собирался выписать из Москвы фортепьяно. В минуту грусти или уныния Петр Васильич имел привычку петь романс, относившийся ко времени его службы в полку... С особенным чувством и несколько в нос произносил он следующие стихи:

Кухню нам француз не правит,
А денщик варит обед...
Славный Роде не играет,
Каталани не поет...
Трубач зорю отхватает,
Вахмистр с рапортом придет.

Борис Андреич изредка ему подтягивал, но голос у него был неприятный и неверный. Часу в десятом, а иногда и раньше, приятели расходились... и на другой день снова начиналось то же.

Вот однажды, сидя, по обыкновению, несколько вкось и напротив Бориса Андреича, Петр Васильич поглядел на него довольно пристально и промолвил задумчивым голосом:

– Одному я удивляюсь, Борис Андреич...

– Чему это? – спросил тот.

– А вот чему. Вы человек молодой, умный, образованный: что вам за охота жить в деревне?

Борис Андреич посмотрел с удивлением на своего соседа.

– Вы ведь знаете, Петр Васильич, – проговорил он наконец, – что если б не мои обстоятельства... Обстоятельства меня к этому принуждают, Петр Васильич.

– Обстоятельства? Обстоятельства ваши пока еще ничего... С вашим именем можно жить. Определитесь на службу.

И, помолчав немного, Петр Васильич прибавил:

– Я на вашем месте поступил бы в уланы.

– В уланы? Почему же именно в уланы?

– Так, мне кажется, вам приличнее быть в уланах.

– Но позвольте: вы сами служили в гусарах?

– Я? Конечно, в гусарах, – с живостью заговорил Петр Васильич, – и в каком полку! Такого другого полка в целом свете не найдешь! Золотой был полк! Начальники, товарищи – что за люди были! Но вам... я не знаю... вам, по-моему, надо в уланы. Вы белокуры, талия у вас тоненькая: все это идет.

– Но позвольте, Петр Васильич, вы забываете, что, в силу военных узаконений, я должен буду начать с юнкерского чина. В мои годы это несколько затруднительно. Кажется, даже оно запрещено.

– И то правда, – заметил Петр Васильич и потупился. – Ну, в таком случае женитесь, – произнес он вдруг, подняв голову.

– Какой у вас, однако, сегодня странный оборот мыслей, Петр Васильич! – воскликнул Борис Андреич.

– Почему же странный? Что, в самом деле, жить так-то? Чего дождетесь? Только время упустите. Желая я знать, какая вам оттого будет польза, что вы не женитесь?

– Да не в пользе дело, – начал было Борис Андреич.

– Нет, позвольте, – перебил его Петр Васильич, неожиданно войдя в азарт. – Это мне удивительно, отчего в нынешнее время молодые люди так боятся жениться! Я этого просто понять не могу. Вы, Борис Андреич, не смотрите на меня, что я не женат. Я, может быть, и хотел и предлагал, да мне вот что показали.

И тут Петр Васильич поднял кверху указательный палец правой руки, обратив его наружной стороной к Борису Андреичу.

– А с вашим состоянием как не жениться!

Борис Андреич внимательно глядел на Петра Васильича.

– Весело, что ли, холостым-то жить? – продолжал Петр Васильич. – Эка невидаль! вот радость-то!.. Право, меня нынешние молодые люди удивляют.

И Петр Васильич с досадой выколотил трубку о ручку кресла и сильно дунул в чубук.

– Да кто вам сказал, Петр Васильич, что я не намерен жениться? – медленно проговорил Борис Андреич.

Петр Васильич как полез пальцами в свой вышитый блестками бархатный, массакового цвета кисет с табаком, так и остался недвижим. Слова Бориса Андреича его изумили.

– Да, – продолжал Борис Андреич, – я готов жениться. Сыщите мне невесту, и я женюсь.

– Право?

– Право.

– Нет, ей-богу?

– Какой вы, Петр Васильич: ей-богу, я не шучу.

Петр Васильич набил себе трубку.

– Ну, смотрите ж, Борис Андреич. Невеста вам будет.

– Хорошо, – возразил Борис Андреич, – но послушайте, в сущности, для чего вы хотите женить меня?

– А для того, что вы, как посмотрю на вас, не имеете способности этак ничего не делать.

Борис Андреич улыбнулся.

– Мне, напротив, до сих пор казалось, что я на это мастер.

– Вы меня не так поняли, – промолвил Петр Васильич и переменил разговор.

Дня два спустя Петр Васильич явился к своему соседу не в обыкновенном своем пальто-саке, а в сюртуке цвета воронова крыла, с высокой тальею, крошечными пуговицами и длинными рукавами. Усы Петра Васильича казались почти черными от фабры, а волосы, круто завитые спереди в виде двух продолговатых колбасок, ярко лоснились помадой. Большой бархатный галстук с атласным бантом туго сжимал шею Петра Васильича и придавал торжественную неподвижность и праздничную осанку всей верхней части его туловища.

– Что значит этот туалет? – спросил Борис Андреич.

– А то значит этот туалет, – ответил Петр Васильич, опускаясь на кресла не с обычной своей развязностью, – что велите заложить коляску. Мы едем.

– Куда это?

– К невесте.

– К какой невесте?

– А вы уже забыли, о чем мы четвертого дня разговаривали с вами?

Борис Андреич засмеялся, а сам смутился в душе.

– Помилуйте, Петр Васильич, да ведь это была одна шутка.

– Шутка? Как же вы божились тогда, что не шутите? Нет, уж извините, Борис Андреич, а вы должны сдержать свое слово. Я уж принял надлежащие меры.

Борис Андреич еще более смутился.

– Какие, однако, то есть, меры? – спросил он.

– О, не беспокойтесь... Что вы думаете! Я только предварил одну нашу соседку, прелюбезную особу, что мы с вами сегодня намерены посетить ее.

– Кто эта соседка?

– Узнаете – погодите. Вот вы сперва оденьтесь да велите лошадей заложить.

Борис Андреич с нерешительностью поглядел кругом.

– Право, Петр Васильич, что вам за охота... посмотрите, какая погода.

– Ничего погода: она всегда такая бывает.

– И далеко ехать?

– Верст пятнадцать.

Борис Андреич помолчал.

– Да хоть позавтракаемте сперва!

– Позавтракать – ничего, можно. Знаете что, Борис Андреич, подите оденьтесь теперь, а я без вас распоряжусь: водочки, икры кусок – это недолго, а у вдовушки нас покормят, об этом беспокоиться нечего.

– Разве она вдова? – спросил, обернувшись, Борис Андреич, который уже подходил к дверям кабинета.

Петр Васильич закачал головой.

– Вот увидите, увидите.

Борис Андреич ушел и запер за собою дверь, а Петр Васильич, оставшись один, распорядился и насчет коляски, и насчет завтрака.

Борис Андреич одевался довольно долго. Петр Васильич выпивал уже, слегка наморщившись и приняв грустный вид, вторую рюмку водки, когда Борис Андреич предстал на пороге кабинета. Он позаботился о своем туалете. На нем был щегольски сшитый просторный черный сюртук, приятно отделявшийся своей матовой массой от томного блеска светло-серых брюк, черный низенький галстук и красивый темно-синий жилет; золотая цепочка, прицепленная крючком к последней петельке, скромно терялась в боковом кармане; тонкие сапоги благородно скрипели, и вместе с появлением Бориса Андреича разлился в воздухе запах *Ess'bouquet'a* в соединении с запахом свежего белья. Петр Васильич только и мог произнести что «а!» и тотчас взялся за шапку.

Борис Андреич натянул на левую руку лайковую серую перчатку, предварительно подышав в нее; потом тою же рукою нервически налил себе четверть рюмки водки и выпил; наконец взял шляпу и вышел вместе с Петром Васильичем в переднюю.

– Я это только для вас делаю, – сказал Борис Андреич, садясь в коляску.

– Положим, что для меня, – сказал Петр Васильич, на которого, видимо, подействовал изящный вид Бориса Андреича, – а может быть, вы сами будете меня благодарить.

И он сказал кучеру, как и куда ехать. Коляска покатила.

– Мы едем к Софье Кирилловне Заднепровской, – промолвил Петр Васильич после довольно продолжительного промежутка, в течение которого оба приятеля сидели неподвижно, словно каменные. – Слыхали ли вы про нее?

– Кажется, слыхал, – отвечал Борис Андреич. – Что же, вы ее-то мне в невесты прочите?

– А почему же бы и нет? Она женщина отличного ума, с состояньем, с манерами, можно сказать, столичными. Впрочем, поглядите... ведь это вас ни к чему не обязывает.

– Еще бы! – возразил Борис Андреич. – А сколько ей лет?

– Лет двадцать пять или двадцать семь – никак не более. В самом, как говорится, соку!

До имения госпожи Заднепровской было не пятнадцать, а добрых двадцать пять верст, так что Борис Андреич порядком продрог под конец и все прятал свой покрасневший носик в бобровый воротник шинели. Петр Васильич не боялся холода вообще и в особенности, когда был одет по-праздничному. Тогда он скорее подвергался испарине. Усадьба госпожи Заднепровской состояла из новенького белого домика с зеленой крышей, в виде дачи, в городском вкусе, с небольшим садиком и двором. Под Москвою часто можно встретить подобные дачи; в провинции они попадаются реже. Видно было, что госпожа Заднепровская поселилась тут недавно. Приятели вышли из коляски. На крыльце встретил их лакей в гороховых панталонах и сером круглом фраке с гербовыми пуговицами; в передней, довольно опрятной, но с коником, встретил их другой такой же лакей. Петр Васильич велел доложить барыне о себе и о Борисе Андреиче. Лакей не пошел к барыне, а отвечал, что приказано просить.

Гости отправились и через столовую, в которой оглушительно трещала канарейка, вошли в гостиную, с модной мебелью из русского магазина, очень ухищренной и изогнутой, под предлогом доставления удобства сидящим, а в сущности, очень неудобной. Не прошло двух минут, как послышался в соседней комнате шелест шелкового платья; портьерка приподнялась, и проворными шагами вошла в гостиную хозяйка. Петр Васильич расшаркался и подвел к ней Бориса Андреича.

– Очень рада с вами познакомиться и давно этого желала, – развязно проговорила хозяйка, быстро окинув его взором. – Я очень благодарна Петру Васильичу за доставление такого приятного знакомства. Прошу садиться.

И хозяйка села, прошумев платьем, на низкий диванчик, прислонилась к спинке, протянула ноги, обутые в очень миленькие ботинки, и скрестила руки. Платье на ней было зеленое, с беловатыми переливами, глянсе, с воланами в несколько рядов.

Борис Андреич сел на кресла против нее. Петр Васильич – немного поодаль. Разговор начался. Борис Андреич внимательно рассматривал Софью Кирилловну. Это была женщина

стройная, высокая, с тонкой тальей, смуглая и довольно красивая. Выражение ее лица и особенно глаз, больших и блестящих, с приподнятыми углами, как у китайцев, являло странную смесь смелости и робости и никак не могло назваться естественным. Она то щурила свои глаза, то внезапно их раскрывала; а на губах у ней постоянно играла улыбка, желавшая казаться равнодушной. Все движения Софьи Кирилловны были очень свободны, почти резки. Впрочем, наружность ее понравилась Борису Андреичу; только неприятно подействовал на него косой пробор волос, придававший ее чертам лихой и мальчишеский вид; сверх того, она, по его мнению, слишком чисто и правильно выражалась по-русски... Борис Андреич разделял мнение Пушкина, что —

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки

нельзя любить русской речи. Словом, Софья Кирилловна принадлежала к числу тех женщин, которых любезники величают ловкими дамами, мужа — боевыми особами, а старые холостяки — разбитными бабенками.

Сперва разговор зашел о том, что очень скучно жить в деревне.

— Здесь просто нет живой души, просто не с кем словом перекинуться, — говорила Софья Кирилловна, особенно отчетливо произнося букву *с*. — Я не могу понять, что за люди здесь живут. А те, — прибавила она с ужимкой, — с которыми было бы приятно познакомиться, — те не ездят, оставляют нас, бедных, в нашем невеселом одиночестве.

Борис Андреич слегка наклонился вперед и пробормотал какое-то неловкое извинение, а Петр Васильич только глянул на него, как бы желая сказать: «Ну, что я вам говорил? Кажется, эта за словом в карман не полезет».

— Вы курите? — спросила Софья Кирилловна.

— Курю... но...

— Сделайте одолжение... я сама курю.

И, сказав эти слова, вдова взяла со столика довольно большую серебряную сигарочницу, достала из нее папироску и предложила гостям. Оба гостя взяли по папироске. Софья Кирилловна позвонила и велела вошедшему мальчику, с красным жилетом во всю грудь, подать огня. Мальчик принес восковую свечу на хрустальном подносе. Папироски задымались.

— Ведь вот, например, вы не поверите, — продолжала вдова, слегка закинув голову и пуская дым тонкой струей вверх, — здесь есть люди, которые находят, что дамам не следует курить. А уж верхом ездить — сохрани боже! просто каменьями побьют. Да, — прибавила она после небольшого молчания, — все, что выходит из-под общего уровня, все, что нарушает законы какого-то выдуманного приличия, подвергается здесь строжайшему осуждению.

— Особенно барыни на этот счет сердиты, — заметил Петр Васильич.

— Да, — возразила вдова, — беда попасть к ним на зубок! Впрочем, я с ними не знаюсь вовсе; сплетни их не проникают в мое пустынное убежище.

— И вам не скучно? — спросил Борис Андреич.

— Скучно? Нет. Я читаю... А когда книги мне надоедают, мечтаю, гадаю о будущем, задаю вопросы своей судьбе.

— Будто вы гадаете? — спросил Петр Васильич.

Вдова снисходительно улыбнулась.

— Почему же и не гадать? Я уже довольно стара для этого.

— О, что вы-с! — возразил Петр Васильич.

Софья Кирилловна, прищурившись, посмотрела на него.

– Впрочем, бросимте этот разговор, – промолвила она и с живостью обратилась к Борису Андреичу: – Послушайте, мсье Вязовнин, я уверена, что вы интересуетесь русской литературой?

– Да... конечно, я...

Вязовнин любил читать, но, собственно, по-русски читал неохотно и мало. Особенно новейшая словесность была ему незнакома: он остановился на Пушкине.

– Скажите, пожалуйста, отчего Марлинский в последнее время впал в такую немилость? Это, по-моему, в высшей степени несправедливо. Вы какого о нем мнения?

– Марлинский – писатель с достоинствами, конечно, – возразил Борис Андреич.

– Он поэт; он уносит воображение в мир... в какой-то очаровательный, чудесный мир; а в нынешнее время все стали описывать ежедневное. Ну, помилуйте, что хорошего в этой ежедневной жизни, здесь, на земле...

И Софья Кирилловна провела рукой вокруг себя.

Борис Андреич значительно посмотрел на Софью Кирилловну.

– Я не согласен с вами. Я нахожу много хорошего и здесь, – сказал он, с особенным ударением на последнем слове.

Софья Кирилловна внезапно засмеялась каким-то резким смехом, а Петр Васильич так же внезапно поднял голову, подумал и опять принялся курить. Разговор продолжался в том же роде, как начался, до самого обеда, беспрестанно переходя от одного предмета к другому, чего не случается, когда разговор становится действительно занимательным. Между прочим, речь зашла и о браке, о его выгодах и невыгодах, и о положении женщин вообще. Софья Кирилловна сильно восставала против брака, пришла наконец в волнение и, почувствовав жар, выражалась очень красноречиво, хотя собеседники ее ей почти не противоречили: она недаром любила Марлинского. Она также умела кстати прибегнуть к украшениям новейшего слога. Слова: артистический, художественность, обуславливать – так и сыпались из ее уст.

– Что может быть для женщины дороже свободы – свободы мыслей, чувств, поступков! – воскликнула она, наконец.

– Да позвольте, – перебил ее Петр Васильич, лицо которого понемногу начинало принимать выражение недовольное, – на что женщине свобода? что она с нею сделает?

– Как что? А мужчине она, по-вашему, нужна? То-то и есть: вы, господа...

– Да и мужчине она не нужна, – перебил ее опять Петр Васильич.

– Как не нужна?

– Да так же, не нужна. На что она, эта хваленая свобода, человеку? Человек свободный – это дело известное – либо скучает, либо дурачится.

– Стало быть, – заметила Софья Кирилловна с иронической усмешкой, – вы скучаете, потому что, зная вас за человека благоразумного, я не могу предполагать, чтобы вы дурачились, как вы говорите.

– Случается и то, и другое, – спокойно промолвил Петр Васильич.

– Вот это мило! Впрочем, я должна быть благодарна вашей скуке за то, что имею удовольствие видеть вас сегодня у себя...

И, довольная ловким оборотом своей фразы, хозяйка слегка закинулась назад и произнесла вполголоса:

– Ваш приятель, я вижу, любит парадоксы, monsieur Вязовнин.

– Я этого не заметил, – возразил Борис Андреич.

– Что я люблю? – спросил Петр Андреич.

– Парадоксы.

Петр Васильич посмотрел в глаза Софье Кирилловне и ничего не ответил ей, а только подумал про себя: «Я так знаю, что ты любишь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.